

Край Мечтаний

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

Край Мечтаний

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Край Мечтаний / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Третьи сутки льёт дождь, окопы размыты, и сержант Джек Харрисон готовит своих людей к ночному рейду в тыл врага. Война требует от них последнего: идти сквозь грязь и смерть, не оглядываясь. Но когда приказ выполнен, а тишина опускается на поле боя, Джек оказывается на краю, где кончаются надежды и начинается только следующий шаг. Что остаётся человеку, когда война забирает всё, ради чего он воевал, и даже мир приносит лишь пустоту?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Конюшенко

Край Мечтаний

Дождь шёл третьи сутки. Он начинался мелкой водяной пылью на рассвете, потом припускал, потом стихал до мороси, а к ночи снова заряжал ровным холодным ливнем, и тогда вода ручьями текла по стенкам окопа, размывая глину, и всё пахло мокрой землёй, сырым брезентом и карболкой из перевязочного пункта.

Сержант Джек Харрисон сидел на корточках, привалившись спиной к фашине. Он разобрал затвор «спрингфилда» и протирал каждую деталь куском ветоши, пропитанной ружейным маслом. Масло пахло сладко и едко, и этот запах перебивал все остальные. Он тщательно вытер ударник, боевую пружину, экстрактор, потом собрал затвор, и тот вошёл в пазы с мягким металлическим щелчком. Патроны он разложил на плащ-палатке, прямо на коленях, и пересчитал. Сорок восемь. Три полных обоймы в подсумке, одна в кармане куртки. Он ощупал каждый патрон пальцами, проверяя, нет ли вмятин на гильзах. Патроны были холодные и чуть влажные. Он обтёр их о штанину, один за другим, и уложил обратно.

Рядовой Томми сидел напротив, на ящике из-под галет. Он был из Огайо, с фермы у реки Майами, и ему было девятнадцать. Он ещё не брился по-настоящему, только светлый пушок над верхней губой, и когда он курил, кончик сигареты освещал этот пушок, и было видно, как дрожат его губы. Он затягивался резко, неглубоко, и дым выходил у него изо рта толчками, смешиваясь с паром от дыхания. Вспыхивала осветительная ракета на востоке — на секунду весь окоп становился белым, как негатив фотографии, — и пальцы Томми вздрагивали, пепел падал на шинель. Он стряхивал его нервным движением.

— Убери, — сказал Джек, не поднимая головы.

Томми зажал сигарету в кулаке, так что огонёк спрятался в ладони. Через минуту он закурил снова, и Джек слышал, как он прикуривает новую от старой — тихое шипение табака, вдох.

Старый сержант Рей сидел на снарядном ящике у самой амбразуры. Ему было сорок четыре, и он воевал в Мексике, когда Джек ещё ходил в школу. У него было лицо человека, который видел достаточно, чтобы перестать удивляться. Кожа на скулах обветренная, в глубоких порах, как старая дублёная кожа, и глаза светлые, почти бесцветные, как вода в ручье зимой. Он не курил и не двигался. Просто сидел, положив винтовку на колени, и смотрел в амбразуру, где за сеткой дождя лежала ничейная земля — триста ярдов грязи, воронок и колючей проволоки.

Пьетро чистил штык. Итальянец из Неаполя, он попал к ним после Сен-Миеля, когда его часть перебросили на американский участок. У него были маленькие руки, как у пианиста, и он обращался со штыком бережно, почти нежно. Точильный камень ходил по лезвию с мерным звуком — вжик-вжик, вжик-вжик, — и этот звук был единственным, что нарушало тишину, кроме дождя и далёких разрывов. Пьетро, когда не чистил оружие, говорил о ресторане. Он говорил, что откроет его на набережной Санта-Лючия, где пахнет морем и жареной рыбой, и на столах будут белые скатерти, и он сам будет встречать гостей. «Вино будет своё, — говорил он. — С вулканической почвы, густое, как кровь Христова». Он говорил это часто, и все уже знали эти слова наизусть, но никто не перебивал.

Джек достал часы. Это был старый «Элджин» на цепочке, с крышкой, которая открывалась ногтем. Отец отдал ему эти часы, когда он уходил на войну. «Они не подведут», — сказал отец. Джек открыл крышку. Полночь. Стекло изнутри запотело, и стрелки были видны нечётко, но он знал время. Он завёл часы — семь оборотов головки, — спрятал их обратно в нагрудный карман, подальше от сырости, и встал. Тело затекло от долгого сидения, и он почувствовал, как хрустнули колени.

— Идём, — сказал он.

Никто не ответил. Томми затушил сигарету о мешок с песком — мокрый песок зашипел. Рей поднялся беззвучно, одним движением, как будто и не сидел. Пьетро убрал камень в карман, проверил, как штык сидит в пазу, и кивнул.

Они вышли за бруствер.

Грязь была холодная и живая — она засасывала сапоги с чавкающим звуком, и каждый шаг давался с усилием, как будто земля не хотела их отпускать. Они ползли на четвереньках, прижимаясь грудью к земле, и мокрая глина набивалась под ногти, под ремни, в дуло винтовки. Дождь молотил по каскам — гулко, как по пустому ведру, — и стекал по шее за воротник, ледяной, до самых лопаток. Джек полз первым, ощупывая дорогу руками. Он помнил ориентиры, которые дали разведчики: сгоревший «рено», французский танк, его корпус чернел даже в темноте; воронка от восьмидюймового снаряда, заполненная водой; поваленный телеграфный столб, который лежал поперёк дороги, как мёртвое дерево. Всё было на своих местах.

Колючая проволока была натянута в три ряда, кое-где провисшая, с клочьями чьей-то шинели на шипах. Резали по очереди. Рей работал кусачками — его руки знали эту работу, и проволока лопалась с тихим звоном, как струна. Томми полз следом и зацепился полкой шинели. Джек услышал треск сукна, потом сдавленный шёпот: «Чёрт бы её». Они замерли. Впереди было тихо, только дождь шуршал по лужам и где-то далеко, на севере, стучал пулемёт — мерно, как швейная машинка. Пули шли высоко.

Через полчаса они наткнулись на патруль. Немцы вышли из темноты неожиданно, как выходит из тумана лодка. Их было трое, и они шли гуськом, пригибаясь, и один, передний, что-то негромко сказал — Джек не разобрал слов, только тон, усталый, вопросительный. Рей выстрелил первым, с колена, и звук выстрела был глухой, как будто доской ударили по воде. Джек выстрелил дважды, целясь в силуэт, и увидел, как один из немцев упал на колени, потом ничком. Томми палил в темноту, быстро, часто, и горячие гильзы сыпались в грязь и шипели, остывая. Запахло кордитом, резко и сухо, и этот запах перебил даже запах дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.